

Экстралегальный труд дальневосточников в Южной Корее: свобода выбора и возвращение домой

Татьяна Журавская

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
Институт экономических исследований ДВО РАН,
г. Хабаровск, Россия

Информация о статье

Поступила в редакцию:

11.01.2022

Принята

к опубликованию:

03.10.2022

УДК 314.74+331.5

JEL J46, J61

Ключевые слова:

экстралегальный труд, российский Дальний Восток, южнокорейский рынок труда, неолиберальная логика, машина развития, переквалификация себя.

Keywords:

extralegal labor, Russian Far East, South Korean labor market, neoliberal logic, development machine, reclassifying oneself.

Аннотация

В статье анализируются практики экстралегального труда дальневосточников на южнокорейском рынке труда. Показано, как “унизительные” практики выбора работников по физическим характеристикам, мотивирующая сила высокого заработка, тяжелая работа и последующее возвращение на родину через переплетения сетей актантов ведут к переосмыслению себя, региона и своего места. Таким образом работа в Южной Корее в качестве низкоквалифицированных занятых с большей оплатой труда ведёт к реполитизации вопроса о справедливом распределении ресурсов, изменяя направление действия машины развития (по Фергюссону). Статья основана на серии полевых исследований на юге РДВ в 2018–2020 гг.

Extralegal Labor of the Russian Far Eastern Residents in South Korea: Free Will and Homecoming

Tatiana N. Zhuravskaia

Abstract

The paper analyzes the extra-legal labor practices of Far Eastern residents in the South Korean labor market. It shows that the extra-legal labor market and the discourse of development projects have formed two overlapping logics. Working for small enterprises embeds migrants from the Russian Far East into the chains of global corporations, thereby

redefining self-perception in terms of physical resources as neoliberal disciplinary practices. “Humiliating” practices of selecting workers according to physical characteristics (and related shame and further selfirony), the motivating power of high wages, hard work, and the subsequent return home through intertwining networks of actors (migrants as part of the migration infrastructure) lead to a reinterpretation of themselves, region, and place. Thus, working in South Korea as low-skilled workers with higher wages than can be received in Russia leads to a repoliticization of the equitable distribution of resources, reversing the anti-political machine of development (by Ferguson). This paper is based on a series of field studies (observation and biographical keynote interviews) in the Republic of Buryatia, Primorsky Krai, and Amur Oblast conducted by the project team in 2018–2020.

Введение

За последние 5 лет экстралегальная трудовая миграция в Южную Корею с российского Дальнего Востока стала заметной¹. Рост потока мигрантов может быть объяснён введением безвизового режима въезда на территорию Кореи для туристов из России (соглашение подписано в 2013 г.). Дальневосточники нарушают режим пребывания, въезжая по туристической визе и работая без разрешения, чаще всего, на работах, предполагающих ручной низкоквалифицированный труд в сельском хозяйстве, строительстве, мелком производстве, сфере обслуживания (стоит упомянуть, что мигранты из России, конечно, не единственные на этом рынке труда и по нашим оценкам не самая многочисленная группа). При этом мигранты часто имеют более высокую квалификацию либо в родном регионе были заняты на менее интенсивных работах хотя и с гораздо более низким уровнем оплаты труда.

Рабочие места для мигрантов обеспечивает мелкий бизнес, но такое производство (прежде всего, сельхозсырьё с минимальной обработкой и деталей) часто встроено в цепочки глобальных корейских корпораций.

Факт экстралегального труда дальневосточников в Южной Корее плохо укладывается в устоявшийся образ Дальнего Востока как региона, чье развитие “тормозит” всеобщий дефицит кадров. Для нашего исследования это противоречие представляет интерес с точки зрения возможности протестировать тезис Джеймса Фергюссона [1] об антиполитической машине как побочном эффекте проектов развития — о постоянной деполитизации бедности и вопроса распределения ресурсов. Представленный эмпирический случай позволяет иначе взглянуть на ситуацию, в которой специфический дискурс о развитии (в российских условиях с явным патерналистским подтекстом) встречается с неолиберальной этикой глобального рынка (приватизация, дерегулирование в пользу рынка, расширение рынка [2]). Дж. Фергюссон показывает, как проекты развития превращают политические проблемы несправедливого распределения в технические вопросы. Описание Дальнего Востока, как и Ле-

¹ См., например, здесь: <https://www.eastrussia.ru/material/nelegkie-vony/>. Косвенным подтверждением является интерес со стороны региональных СМИ и рост числа русскоязычных “цифровых диаспор”.

сото в документах международных институций [3], представляет его как территорию, требующую “развития” вот уже более 100 лет. И как в Лесото, кажется, что достаточно всего лишь устранить препятствия на пути к рынку, чтобы добиться “успеха”: например, объяснить людям в сёлах, что они должны быть фермерами и что их земли способны приносить доход¹. Особенность нашего эмпирического случая в том, что, в отличие от Лесото, люди на Дальнем Востоке не были “бедными” до появления проектов развития (нового этапа), а потому можно поставить под сомнение тезис о деполитизации. Я утверждаю, что работа в Южной Корее в качестве низкоквалифицированных занятых с большей оплатой труда, чем можно получить в России, ведет к *реполитизации* вопроса о справедливом распределении ресурсов, изменяя направление действия антиполитической машины развития. Это напрямую связано с неолиберальной этикой южнокорейского рынка труда, глобальных корпораций, интегрирующих в свои цепи поставок мелкие частные фирмы.

Статья основана на серии полевых исследований (наблюдение и биографические лейтмотивные интервью) в Республике Бурятия, При-

¹ В данном тексте я не буду обращаться к анализу дискурсивного оформления проектов развития. Приведу лишь в качестве примера историю обсуждения одной из нашумевших в последнее время программ. Программа “Дальневосточный гектар” была инициирована Министерством РФ по развитию Дальнего Востока в 2015–2016 гг. Согласно программе, каждый гражданин РФ может получить земельный участок размером до 1 гектара на Дальнем Востоке. Условия получения участка определены ФЗ № 119 от 1 мая 2016 г. Согласно пояснительной записке от 14 ноября 2015 г., целями законопроекта являлись “*решение вопросов привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, снижение оттока местного населения, а также ускорение социально-экономического развития субъектов*”. В заключении Общественной палаты от 1 декабря того же года к декларируемым целям добавили также “*стимулирование предпринимательской активности граждан*” (...) “*за счет вовлечения в хозяйственный оборот свободных земельных ресурсов*”. В заключении Комитета Государственной думы по земельным отношениям и строительству указано, что законопроект направлен “*на создание благоприятных условий для ведения жителями ДФО различных видов хозяйственной деятельности, что должно оказать благоприятное влияние на экономическое состояние соответствующих регионов, способствовать притоку населения, обеспечить положительное изменение демографической ситуации*”. И, наконец, Комитет Государственной думы по экономической политике посчитал целью инициативы “*ускорение социально-экономического развития Дальнего Востока путем привлечения трудовых ресурсов, расширение освоения территорий и природных богатств*”. Можно проследить, как минимум, три логики, указывающих на соответствующие ожидания от реализации программы: 1) решение демографических проблем региона (сокращение оттока населения, стимулирование въездной миграции); 2) ускорение развития региона (за счет привлечения трудовых ресурсов и стимулирования предпринимательской активности); 3) повышение эффективности использования ресурсов (вовлечение жителей в хозяйственную деятельность, использование свободной земли и природных ресурсов). Таким образом, хотя идея экономического роста “вшита” в риторику программы, тем не менее, предполагает решение именно проблемы дефицита человеческого капитала во всех смыслах и явно подразумевает идеи о неразвитости в регионе предпринимательской активности, но главное — необходимость стимулирования такой активности.

морской крае и Амурской области, проведенные коллективом проекта в 2018–2020 гг.

Дизайн исследования

Первоначальной целью нашего исследования была попытка описания и объяснения влияния миграционной инфраструктуры (технологии и миграционные политики, рассматриваемые через повседневные взаимодействия различных акторов) [4] в направлении “Восток – Восток” на экстралегальное миграционное поведение. Мы сконцентрировались на эмпирическом изучении почти неопisanного в научной литературе феномена трудовой миграции российских дальневосточников в страны Азии и его сопоставлении с трудовой миграцией граждан восточноазиатских государств на российский Дальний Восток (это “девиация” по сравнению с хорошо описанными в литературе потоками Восток – Запад, Юг – Север, Север – Юг, Юг – Юг, Юг – Восток). Теоретический вклад мы связывали с тем, что не только индивидуальное миграционное поведение, но и миграционную политику мы анализировали и концептуализировали на микроуровне, что потребовало от нас обращения к теоретическим ресурсам антропологов и социологов (в частности, к концепции перформативности экономического знания).

В задачи исследования входило описание моделей (траекторий) типов трудовой миграции, в том числе по этапам — мнение, решение, подготовка, организация, прибытие, пребывание, возврат (классификация Ф. Дювеля [5]). Мы также должны были выяснить, какую роль в моделях миграционного поведения трудовых мигрантов играет миграционная инфраструктура (как узнают о правилах, легальных и прочих барьерах; как принимаются решения о (не)следовании правилам; какие факторы становятся ресурсами для преодоления барьеров) и сравнить сходства и различия этих моделей в зависимости от разных критериев.

Изучаемые нами феномены в значительной части лежат за пределами статистического наблюдения и государственного регулирования — въезжая в Корею легально, мобильные граждане сталкиваются с проблемами документирования пребывания, работы или проживания. Мы обозначили изучаемое нами явление как “экстралегальная” миграция (миграционное поведение). Это позволяет анализировать миграционное поведение, выходящее за пределы закона, находящееся “вне” его. Он употребляется в качестве альтернативы терминам “нелегальный”, “незаконный”, “ненаблюдаемый”, “недокументированный”. Говоря о миграционном поведении, исследователи ведут речь не только о принятии индивидуальных решений, но и об отношениях мигрантов с государством, которое устанавливает барьеры на пути свободного перемещения. Отказ от дискриминирующих терминов по этическим основаниям определен тезисом что “нелегальными могут быть действия, но не люди” [6, 7]. Делегализуя именно человека, представители государства и эксперты через политику исключения участвуют в формировании того, что Агамбен назвал *bare life*, т.е. “голая жизнь”, жизнь без прав [8]. Применительно к изучаемому случаю мигрант, называемый “нелегаль-

ным”, исключается из действующих правил, моральных принципов и норм, предписывающих определённые стандарты человеческого поведения и социальных взаимодействий.

Наша эмпирическая стратегия традиционна для подобных миграционных исследований с фокусом на микроуровне — кейс-стади. Выбор в пользу этой стратегии обусловлен спецификой объекта и предмета: изучаемые миграционные практики в большей степени локализованы в южных регионах Дальнего Востока и Забайкалья, а интересующие нас вопросы лежат за пределами статистики, иного официального наблюдения. Кроме того, данная стратегия подходит для выявления моделей и последующего их сравнения, реконструкции логик и их дискурсивного оформления. Мы использовали смешанную методологию эмпирического социального исследования: методы цифровой этнографии, кейс-стади (единицы для анализа — личные биографии, миграционные истории и истории бизнесов), глубинное лейтмотивное интервью. Мы не предполагали жёсткой последовательности в использовании данных подходов и методов, а скорее, их комплиментарность на каждом этапе. Комплиментарность означала возможность их параллельного использования, возврат для прояснения недостающих данных, цикличность. Например, после анализа групповых чатов мы смогли составить гайд, который был уточнен по результатам первых интервью. В свою очередь, интервью помогли расширить круг вопросов для анализа в онлайн-среде (более подробно о дизайне см. [9]).

Концепция экономики качеств как теоретический ресурс

В качестве аналитической схемы для осмысления данных, помимо упомянутых выше концепций миграционной инфраструктуры и антиполитической машины развития, я использую ресурсы концепции перформативности экономического знания М. Каллона [10]. Свою аргументацию Каллон строит, анализируя переплетение отношений в сетях, состоящих из актантов — людей и не-людей (вещей, объектов). Сеть и широкое распределение (т.е. большое количество связываемых на время актантов) абсолютно необходимы для перформативности, иначе знания не могут распространяться. Распределённость не позволяет локализовать источник действия — всё происходит как бы само собой; действие становится коллективным феноменом [11]. Идея распределённых и связываемых в сети актантов позволяет объяснить сплетённость современных глобальных и локальных процессов, функционирование рынков, перенос экономических моделей из научных трактатов в повседневную реальность. С точки зрения М. Каллона, рыночные модели — не абстракции, а технические приёмы, позволяющие совершить сделку [12], и значит, “расплести”, разделить взаимодействующих актантов (оптика распределённого калькулятивного устройства позволяет преодолеть дихотомию “чистого расчёта” и “чистого суждения” в определении ценности [13]).

Развивая идею о перформативности экономики, Каллон с соавторами предложили концепцию “экономики качеств” [14], в основе кото-

рой лежит теория монополистической конкуренции Э. Чамберлина [15]. Чамберлин доказывал, что растущая дифференциация продуктов ведёт к тому, что каждый продавец становится монополистом в своей собственной нише, а созданные различия позволяют избежать ценовой конкуренции. Отталкиваясь от идеи о создании различий, Каллон и соавторы утверждают, что “организация рынков становится коллективной проблемой” [14, с. 63], где продукт является переменной, “фазой никогда не кончающегося процесса” [14, с. 64], и именно (пере)квалификация товара составляет истинную суть динамики рынков. Другой стороной постоянной переквалификации благ и создания сингулярности является (пере)квалификация иных актантов, в том числе и покупателей. Калькулятивное устройство работает и как машина перевода.

В данной работе я использую концепцию перформативности экономики и систему различий экономики качеств для осмысления процесса (пере)квалификации себя жителями дальневосточных регионов, ставших частью корейского рынка экстралегального труда. То есть мы стремимся показать, как экономическое знание, накопленное мигрантами, вплетенное в восприятие себя и другого, переформирует представление о регионе, стране, о себе и, в конечном итоге, о справедливом устройстве. Опыт экстралегальной занятости связан для дальневосточников с контекстом иного рынка труда, что меняет представление о себе и своих навыках как о товаре на глобальном рынке, а возвращение домой вновь заставляет переопределить (переквалифицировать) себя. Очевидно, что распределённое калькулятивное устройство политически не нейтрально, политическое знание также есть часть этого устройства, само пространство сетей людей и вещей не является нейтральным, определяя то, кем быть и в каких отношениях вплетённым в неё акторов.

Миграционная инфраструктура и переквалификация себя

Процесс переквалификации начинается с принятия решения о поездке на работу. Первый слой в обсуждении стимулов к поездке — желание решить накопившиеся денежные проблемы. Как правило, речь идёт о долгах и просроченных кредитах, невозможности сделать ремонт или необходимость накопить на выпускной для детей. Подталкивают к принятию такого решения и “истории успеха” друзей и соседей, наблюдение за изменением их качества жизни, пусть и краткосрочного. Однако далее следуют оправдательные коннотации, смягчающие необходимость в таком заработке: “я всегда хотел посмотреть мир”, “мне хотелось сменить обстановку”, “у меня появилась такая возможность”. Оправдание выдаёт скрытое сопротивление необходимости обращения к этой практике, на этом этапе выдаёт сомнения (всё же труд в экстралегальном поле), опасения по поводу возможных последствий.

“Получается вот эта мысль, вот о том, что надо туда ехать зародилась, когда я была в декретном отпуске. Вот ребенку 1 год был, а тут получается действительно, реальная тяжёлая экономическая ситуация. То, что вот, ну а чё эти декретные с тысячу. Всё, хотя у самой получается кредитная карта на 12 тысяч, плюс кредит на 7 ты-

сяч, и тут получается, как, уже вот эти вот долги всё росли-росли, потому что я вот этот кредит покрывала с кредитной карты как бы, получается снимала наличные. Тут же обязательный платёж, тут же получается и кредит свой оплачивала, да” (Бурятия, 2019).

Казалось бы, экономических мотивов может быть вполне достаточно, поскольку южнокорейский рынок предлагает существенный прирост благосостояния (разница в оплате труда, например, на сельхозработках в России и в Южной Корее очень существенна — месячный заработок соизмерим с заработной платой управленца среднего звена). Однако такая мера рассматривается как крайняя, характеризующаяся высоким риском, в том числе и моральным.

Далее будущие работники становятся частью миграционной инфраструктуры. Путь начинается с обращения к посреднику, который готовит документы (заполнение миграционной карты, бронирование гостиницы, билетов и пр., в том числе готовят “фейковые” документы), помогает с поиском работы, подключает к цифровым площадкам. Попадание в непривычный статус также становится поводом для переосмысления, требует перенастройки телесных практик (так, в случае путешествия на пароме частью инфраструктуры являются клопы, которые неизменно сопровождают в поездке тех, кто экономит на билетах: “Я и не советую. Во-первых, туда мы поплыли, ладно. Мы попали девочки, ну там частично мальчики. Там как коридоры, то есть такое вот место, где ночуешь да, вот этими шторками закрываешься. У каждого там своё место. Нас вот, буквально вообще, сожрали клопы” (Приморский край, 2019)). Вот так, например, выглядит часть инструкции для прохождения границы в одной из популярных групп “Вконтакте”:

“Придерживаемся общих правил: 1. Одеваемся как турист. стильная, яркая и удобная одежда (примите на заметку). 2. У каждого туриста должен быть лёгкий, стильный и удобный рюкзак. 3. Наличие на шее зеркального фотоаппарата (камеры) GO PRO будет для вас преимуществом. 4. Наличие переводчика в смартфоне даст вам больше возможностей. 5. При желании можете взять маленький чемодан на колесиках”.

Далее мигранты становятся частью разных практик найма: временная биржа труда (“арбайт”), где каждый день меняется и тип работы, и работодатель; постоянная занятость у одного хозяина (“саджана”); работа в бригаде с одним посредником и другое. В описании работы во время пребывания в Южной Корее основные проговариваемые сюжеты, связанные с переосмыслением, касаются тяжелых условий труда (режима, физической нагрузки и пр.) и процесса попадания на работу (практики отбора “саджаном” или посредником). Первое требует терпения и адаптации, времени на то, чтобы справиться с ожиданиями. Как правило, если это удалось “выдержать” и не сорваться домой, то непривычные условия работы становится частью самодисциплины: “я пришла работать”, “себя не расслабляла”, “я вырос в деревне, привык к такой работе” (либеральный дискурс свободного выбора — “кто не рабо-

тает, тот не ест”). Второе же осмысляется сложнее, потому как требует переосмысления своего места на рынке труда — от категорий “квалификации”, накопленного культурного капитала в область категорий физических, в буквальном смысле телесных данных. Заработная плата зависит не только от типа работы и выполненного объёма, но и от пола, конституции (“не полные”), признаков расы (“азиаты”), возраста (“не старые”). Описание процесса отбора типично и иронично:

“Арбайт” — очень напоминает уличную проституцию. Народ толпится на улице возле небольшого магазинчика. Ими заведует некая мамка — по-корейски её зовут самани, которая представляет самушиль — фирму по найму. Работодатель подъезжает на машине и выбирает себе работника на день: оплата 100 долларов, из которых 10 долларов отходит самушиль. И выбирает иногда прям как проститутку: просит повернуться, может мышцы пощупать”¹.

“То есть он просто. Вот знаете, получается как, привезли партию четыре-два-три человека. Ну, определённое количество. Ты не понравился, ты иди куда хочешь, получается. А ты не знаешь, ты будешь завтра работать или нет. Ты опять собрала чемодан и опять там... (А как они выбирали? Понравился, не понравился? По каким критериям?) Чисто по взгляду, да” (Бурятия, 2019).

Однако не только работа и “унизительная” практика найма (как и дискриминирующие объявления о работе) меняют самовосприятие. Поражает качество жизни, чистые улицы, отношения со стороны “обычных людей”. В последствии воспоминания об этом становятся одним из триггеров в переопределении того, куда возвращаются информанты. Возвращение домой после длительной тяжёлой работы становится новым потрясением. Выплетение из сети актантов миграционной инфраструктуры протекает болезненно, а дальше приходит осознание того, что не улицы в Улан-Удэ или приморском селе разительно отличаются от сельских и городских южнокорейских пейзажей. За время отсутствия предложение труда не изменилось, но теперь переосмысленные физические качества и вовсе не встраиваются в существующие альтернативы. Найти работу, пусть и тяжёлую, но также хорошо оплачиваемую, все также невозможно. Но за это время произошла переквалификация своих качеств, внезапно получивших ценность (возвращаясь к Фергюссону, произошла ресурсификация физических данных, выносливости, способности своего тела приносить доход).

“В начале июля я приехала. Не знаю, у меня нет желания ни с кем разговаривать. У меня одноклассница пришла, говорит, ты же раньше другая была, ты всегда хохотала, ладно, вылететь там на Байкал или чего ещё по России съездили, посмотрели. Всё равно тебя Корея изменила немного, говорит ну не знаю, ты какая-то не такая стала. Ну не знаю, я вот сюда приехала и у меня первая мысль была: чем я буду заниматься?” (Бурятия, 2019).

¹ <http://asiarussia.ru/blogs/21550/>. Довольно откровенное, но далеко не единственное в сети интервью с “гастарбайтером”.

Ещё один неожиданный эффект — поразительно меньшая прекарность. Более высокий заработок меняет отношение к тому, на каких условиях мигранты работали в России. Довольно часто люди остаются дольше, чем на разрешенный период в 2 месяца, оставаясь в недокументированном статусе на годы. Артикулированный мотив — всё ещё нерешённые финансовые проблемы, которые из категории долгов переходят в категорию “ремонта”, “выпускного”, “недолеченных зубов”. Иногда я слышала убеждённый вывод — “я больше никогда не буду работать в России!”.

Возвращение домой, особенно если работа в Корее не стала повторяющейся практикой заработка, ведет, таким образом, к переосмыслению места российского Дальнего Востока в контексте страны. Создаваемый медийный образ и риторика развития вызывают отторжение, вновь поднимая вопросы о справедливом доступе к ресурсам и качеству жизни в регионе. И тем более заметно это брожение, чем большее количество людей приобретают схожий опыт.

Заключение

Итак, работа на небольшие, часто семейные предприятия, встраивает мигрантов с российского Дальнего Востока в цепочки глобальных корпораций, тем самым переопределяя самовосприятие в терминах физических ресурсов, транслируя нелиберальные дисциплинарные практики (неолиберализм как *governmentality* [16]). Риторика развития российского Дальнего Востока, в свою очередь, через идею о демографической проблеме и дефиците кадров (как главные точки входа проектов развития периферии) нивелирует вопросы о справедливом доступе к ресурсам и качеству жизни. Однако “унизительные” практики выбора работников по физическим характеристикам (и связанные с ними чувство стыда и дальнейшая самоирония), мотивирующая сила высокого заработка, тяжелая работа и последующее возвращение на родину через переплетения сетей актантов (мигранты как часть миграционной инфраструктуры) ведут к переосмыслению себя, региона и своего места. Этика справедливого (уравнительного? по заслугам?) устройства терпит крах. Таков непредвиденный эффект пересекающихся логик двух рынков труда.

Список источников

1. Ferguson J. The Anti-politics Machine: “Development”, Depoliticisation, and Bureaucratic Power in Lesotho. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1990. — 336 p.
2. Harvey D. A brief history of neoliberalism. — Oxford: Oxford University Press, 2005. — 254 p.
3. Ferguson J., Lohmann L. The Anti-Politics Machine: “Development” and Bureaucratic Power in Lesotho // *Ecologist*. 1994. Vol. 24. No. 5, pp. 176–181. — DOI: 10.1080/03768359308439720.
4. Xiang B., Lindquist J. Migration Infrastructure // *International Migration Review*. 2014. Vol. 48. Issue S1, pp. 122–148. — DOI: 10.1111/imre.12141.

5. Дювель Ф. Пространственная мобильность населения: индикаторы, категории и типологии // *Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учеб. пособие* / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М.: Центр миграционных исследований, 2007. — С. 71–95.
6. Гулина О.Р. Семантика миграционных терминов // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 331–346.
7. Genova de N.P. Migrant “Illegality” and Deportability in Everyday Life // *Annual Review of Anthropology*. 2002. No. 31. P. 419–447.
8. Agamben G. *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*. — Stanford, Stanford University Press, 1998. — 228 p.
9. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н. Миграционные политики, инфраструктура и экстралегальное миграционное поведение на восточных границах России: описание проекта и стратегия исследования // *Учёные записки: сб. статей* / Под ред. О.М. Прокапало. — Хабаровск, 2019. Т. 16. — С. 90–98.
10. Callon M. Introduction // *The laws of the markets*. / M. Callon (ed.) — London: Blackwell, 1998. — P. 1–57.
11. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё // *Социология власти*. 2015. № 1 (27). С. 196–231.
12. Callon M., Law J. On Qualculation, Agency, and Otherness // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2005. Vol. 23. No. 5. P. 717–733. — DOI: <https://doi.org/10.1068/d343t>.
13. Callon M., Muniesa F. Economic markets as calculative collective devices // *Organization Studies*. 2005. Vol. 26. No. 8. P. 1229–1250. — DOI: 10.1177/0170840605056393.
14. Каллон М., Меадель С., Рабехарисоа В. Экономика качеств // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2009. Т. XI. № 4. С. 59–87.
15. Chamberlin E.H. The origin and early development of monopolistic competition theory // *The Quarterly Journal of Economics*. 1961. Vol. 75. No. 4. P. 515–543.
16. Ong A. *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty*. — Durham: Duke University Press, 2006. — 304 p.

Сведения об авторах / About authors

Журавская Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент департамента социально-экономических исследований и регионального развития Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет. 690620 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G, каб. G523; старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН. 680042, Хабаровский край, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д.153. ORCID 0000-0003-1147-1169. E-mail: zhuravskaia.tn@dvfu.ru.

Tatyana N. Zhuravskaia, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Department of socio-Economic Research and Regional Development, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University. Office G523, Bld. G, FEFU Campus, Vladivostok, Russia, 690620; Senior Researcher Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 153, Tikhookeanskaya street, Khabarovsk, 680042. ORCID 0000-0003-1147-1169. E-mail: zhuravskaia.tn@dvfu.ru.

© Журавская Т.Н., 2022

© Zhuravskaia T.N., 2022

Адрес сайта в сети интернет: <http://jem.dvfu.ru>